
ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА*
Мария Петровых –
редактор русских изданий армянской поэзии

КАРИНЭ СААКЯНЦ

В 1979 году по инициативе Левона Мкртчяна, работавшего тогда вторым секретарем Союза писателей Армении, и при поддержке первого секретаря СПА Вардгеса Петросяна в Армении после многовекового перерыва был возрожден Праздник Переводчика. В рамках готовившегося Праздника предполагалось наградить кого-либо из переводчиков приуроченной к этому событию премией им. Егише Чаренца. Секретариат СП в отсутствие Левона Мкртчяна принял решение присудить премию Михаилу Александровичу Дудину, о чем незамедлительно поэт был поставлен в известность. Такое решение возмутило Мкртчяна, хорошо знавшего Дудина, высоко его ценившего, дорожившего его добрым отношением к себе и к Армении, но тем не менее считавшего нецелесообразным награждать поэта, который к тому времени не мог похвалиться какими-то особенными заслугами перед армянской поэзией. Конфликт с инициаторами идеи о награждении Дудина ускорил принятие Мкртчяном давно вынашиваемого им решения об уходе с должности секретаря. Однако прежде чем реализовать это решение, Мкртчян 10 мая 1979 г. обратился с письмом к секретарю ЦК Компартии Армении по вопросам идеологии К.Л.Даллакяну. В публикуемом ниже письме говорилось:

«Уважаемый Карлен Левонович!

Предстоящий праздник переводческого искусства должен, естественно, способствовать делу оживления переводов на армянский язык и с армянского языка на другие языки. Премия им.Егиша Чаренца для того и учреждена. Если премии получают не те люди, то от этих премий вместо пользы будет один лишь конфуз.

За последние десять-пятнадцать лет вышли в свет однотомник и трехтомник Ованеса Туманяна, двухтомник и однотомник Аветика Исаакяна, однотомник Чаренца, том «Армянской средневековой лирики», два тома «Армянской классической лирики», «Книга скорби» Григора Нарекаци, «Сто и один айрен» Наапета Кучака. Разумеется, я говорю об основных, главных изданиях.

Во всех названных выше книгах (я это знаю, потому что, так сказать, находился внутри работы) принимали деятельное участие Мария Петровых и Наум Гребнев.

* О Л. М. Мкртчяне и его архиве см. в предыдущем выпуске серии (№1, 2015), с.16, подстрочное примечание.

Таким образом, главные, капитальные книги стихотворных переводов выходили в свет во многом благодаря усилиям Петровых и Гребнева. Они работали над армянской поэтической классикой не один и не два года. Мария Петровых – всю жизнь (известны ее изумительные переводы также из Сильвы Капутикян, Амо Сагияна, Маро Маркарян...), а Гребнев – больше десяти лет.

Естественно поэтому, что одну из главных премий хорошо бы поделить между Петровых и Гребневым. Ни один из переводчиков армянской поэзии не работал последние десять лет так плодотворно, как они.

Называется (не будем этого скрывать) имя Михаила Дудина, замечательного человека и поэта. Но что он сделал как переводчик армянской поэзии? Издал в «Детгизе» тридцатистраничную тоненькую книжицу стихов Исаакяна в своих переводах. Эта его работа не идет ни в какое сравнение с тем, что сделали Петровых (кстати, Петровых как русский поэт ничуть не ниже Дудина) и Гребнев. Во сто раз больше сделали как переводчики армянской поэзии Елена Николаевская, Арсений Тарковский, Белла Ахмадулина, Владимир Микушевич, Олег Чухонцев, Давид Самойлов...

Конечно, вроде бы, эффектно дать премию Дудину, лауреату Гос. премии СССР, Герою Социалистического труда, лауреату золотой медали имени Фадеева. Но все эти знаки отличия и высокие награды он получил по справедливости.

Я совершенно уверен, что мы и самого Дудина поставим в неловкое положение, если премию присудим ему, а людей, значительно более заслуженных, обойдем. Более заслуженны не только Петровых и Гребнев, но и целый ряд других переводчиков. Дело даже не в том, чтобы премию им. Чаренца обязательно получили Петровых и Гребнев, а в том, чтобы НАШЕ РЕШЕНИЕ НАШЛО ПОНИМАНИЕ, ЧТОБЫ ОНО НЕ ВЫЗВАЛО НЕДОУМЕНИЯ.

Можно дать посмертно премию Вере Звягинцевой, Николаю Тихонову. Справедливо было бы, наконец, присудить премию им. Чаренца Арсению Тарковскому за его блистательные переводы из Чаренца. Зачем, спрашивается, это важное дело превращать в «мероприятие», в пустую галочку. Если мы ищем для награждения всесоюзно громкие имена, то переводчики, как ВЫ ЗНАЕТЕ, шумно известными не бывают, об их работе, как правило, умалчивают. Но смысл чаренцевской премии в том, чтобы поощрить переводчиков, именно переводчиков. Было бы недопустимо, чтобы в погоне за соображениями второстепенными, непонятными, мы бы обошли переводчиков даже на переводческом празднике. Праздники кончатся, наступят будни. Мероприятие пройдет, останутся люди, с которыми трудно будет работать.

Кстати, никто из названных мною поэтов не думал, вот я перевожу армянских поэтов и получу премию. Но раз премии учреждены, то их должен получить тот, кто работал.

Думается, я имею право на свое мнение по затронутым вопросам. Я заработал это право годами упорной, трудной работы, которая, зачастую, увы, сопровождалась непониманием.

Уверен, что ту одну премию, которая предназначена переводчикам на армянский язык, тоже надо разделить, присудив двум-трем переводчикам. Зачем людей обижать, если можно их обрадовать? Я бы хотел быть мудрым и добрым. Но, увы...

С глубоким уважением

Л.М.МКРТЧЯН, профессор, доктор филологических наук».

К чести К.Л.Даллакяна, надо отметить, что Л.Мкртчян был услышан¹. И премию им.Чаренца Петровых получить успела². В письме к лицу официальному Мкртчян не стал писать о том, что Петровых к тому времени была смертельно больна, что справедливого решения вопроса ему хотелось еще и потому, чтобы доставить хоть какую-то радость обреченному человеку. И уже через три недели, 1 июня, он, отправляя копию этого письма Науму Гребневу, пишет ему:

«Дорогой Наум! Сейчас узнал, что умерла Мария Сергеевна.

Судьба за мной присматривала в оба,

Чтоб вдруг не обошла меня утрата...

Не обходит, никого из нас не обходит утрата. Увы.

Я очень хотел, чтобы премия принесла ей радость, а теперь всё уже всё равно. Надо бы, впрочем, издать ее книгу, но об этом потом.

Посмотри, пожалуйста, письмо (пусть оно у тебя будет), которое я послал начальству. А когда С.А. сказал, что я заполнил Армению гребневыми, то я ему ответил... Какие-то гады вот уже несколько лет распространяют слухи о том, что ты подал заявление.

Спасибо Миме³ за чудное, остроумное письмо.

Я вас люблю, я хочу, чтобы вам было хорошо, радостно».

В некоторых из книг, перечисленных Мкртчяном в письме к Даллакяну, Петровых выступает не только как переводчик, но и как редактор изданий: тонкий, вдумчивый и скрупулезный. О редакторском таланте Петровых Мкртчян не раз говорит в своей книге «Так назначено судьбой»: «...Петровых, при всей мягкости её характера, была как редактор непоколебима. Если ей что

¹ Примечательно, что эта история еще больше сблизил Мкртчяна с Михаилом Дудиным, человеком высоких нравственных принципов, по достоинству оценившим поступок Левона Мкртчяна. В дальнейшем (с середины 80-х годов) армянская тема в творчестве поэта стала одной из доминирующих. Равно как доминирующими в его переводах стали стихи армянских поэтов. И существенную роль в этом сыграл Левон Мкртчян, которого Дудин назвал «мастером по классической подготовке друзей Армении».

² Вот как об этой истории пишет Мкртчян: «Май 1979 года. В Союзе писателей Армении учреждена переводческая премия имени Егише Чаренца. Решено присудить премии видным переводчикам на армянский язык и с армянского языка. Президиум Союза писателей Армении (я был вторым секретарем Союза) единогласно решил присудить одну премию Марии Петровых и Науму Гребневу. Но кто-то в Москве распространял слухи о том, что Гребнев уезжает в Израиль (на самом деле он никуда не уезжал и не уехал), а мы ему даем премию... Премию для Марии Петровых удалось отстоять – её все любили и обожали. Любили и Гребнева, но вето, наложенное инстанциями (читайте - антисемитами), сыграло свою роль. Гребневу дали какую-то грамоту». (См. в кн.: «Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых». Ер., 2000, с.98. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием в скобках страницы).

³ Ноэми, жена Наума Гребнева.

не нравилось в переводах, требовала обязательных доработок, сама придумывала варианты – это ей было легче» (с.52). «Петровых готова была взвалить на себя колоссальную работу. Ни один редактор не стал бы всем этим заниматься. Я понимал, что Мария Сергеевна – редактор идеальный:

*Такое дело: либо – либо.
Здесь ни подлогов, ни подмен...
И вряд ли скажут мне спасибо
За мой редакторский рентген.*

*Борюсь с карандашом в руке
Пусть чья-то речь в живом движенье
Вдруг зазвучит без искаженья
На чужеродном языке.*

Редакторский рентген Петровых оборачивался тяжкой, изнурительной работой прежде всего для нее самой и уже потом для переводчиков, которых она редактировала» (с.51). «Петровых и как переводчик, и как редактор, стремилась, чего бы ей это ни стоило, передать тончайшие особенности подлинника. Она говорила, что буквальные переводы потому и далеки от оригинала, что они буквальные, неестественные, в них нет свободы языка. Столь же категорично она отвергала переводы вольные, так сказать, импровизации на тему оригинала. Она любила Наума Гребнева, но как редактор иногда ругала его за переводы вольные» (с.51). О том, как работала Петровых-редактор, свидетельствуют многие из ее писем, опубликованных Мкртчяном в книге «Так назначено судьбой». По этим письмам видно, что, как и в случае с собственной книгой, когда Мкртчяну приходилось уговаривать ее отдать стихи в печать, Петровых не сразу соглашалась на редактуру. Так, в письме, датированном апрелем 1968 г. она пишет: «...О редактуре Туманяна⁴... Межиров, говорят, не бог весть какой редактор. Лучше бы Липкин, если уж невозможно Шервинского...»⁵. Однако, как это было и с «Дальним деревом», Мкртчяну в конце концов удавалось уговорить Марию Сергеевну на редактуру. Согласившись же, Петровых погружалась в работу с абсолютной отдачей, относясь к переведенным другими переводчиками текстам с той же требовательностью, что и к своим собственным стихам. Она непременно сверяла их с подстрочниками, в случаях, когда один текст был переведен несколькими авторами, требовала все существующие переводы,

⁴ Речь идет о приуроченном к столетию поэта издании: **Ованес Туманян**, Избранные произведения в трех томах, т.1. Ер., 1969.

⁵ Богатый архив Левона Мкртчяна разобран пока еще на одну треть. Можно с уверенностью говорить о том, что оставшаяся часть таит в себе не одно открытие, не один сюрприз. И хотя в уже разобранных частях не так много документальных свидетельств того, как Мкртчяну удавалось добиваться от Петровых ее согласия на редактуру, тем не менее они есть. И по его письму от 31 марта 1968 г. можно сделать вывод, что цитируемое письмо Петровых – это ее ответ на предложение стать редактором первого тома юбилейного трехтомника Туманяна: «...В Москве я буду дней через десять. Задержался, так как еще не совсем здоров. С Туманяном все решим на месте» (**Саакянц К.** Из архива Левона Мкртчяна. Письма к М.С.Петровых (1965-1975). Вестник ЕГУ. Русская филология. 2015, №1, с.23).

чтобы выбрать лучший из них, если ее не устраивал тот или иной перевод, предлагала свой вариант (причем, всегда качеством превосходивший забракованный ею). Будучи в курсе переводческого процесса и литературной жизни страны, предлагала новых переводчиков⁶.

В архиве Левона Мкртчяна, среди материалов, связанных с подготовкой к изданию трехтомника Туманяна, сохранилась вырезка из еженедельника «Литературная Россия» - статья «Хорошевское шоссе». Вот что ее автор, Поэль Карп, чей перевод поэмы «Взятие крепости Тмук» очень понравился Петровых («Закончен и получился очень хорошим перевод Карпа», с. 132), рассказывает об их совместной работе:

«... Для Марии Петровых перевод чужих стихов тоже был своего рода их сочинением, и перевод не удавался или она не была им довольна, если чужие стихи не становились своими, но своими – не значит идентичными собственным или заменяющими их. <...>

В четвертой главе поэмы за каждым трехстишием с новой единой рифмой следовало повторяющееся двустишие. Марии Сергеевне мое двустишие не нравилось, и она предлагала наростить строку, вместо трехстопного ямба дать четырехстопный, ямб или хорей, - тогда удалось бы расставить слова так же просторно, как в трехстишиях. Я держался за то, что в подстрочнике был указан трехсложник. Мария Сергеевна втолковывала мне, что нельзя быть рабом формы оригинала. Я вообще убежден, что форма не случайна, и всегда стараюсь сберечь, что могу, а тут я остро ощущал необходимость резкой перемены после напевных трехстиший. «Но в такой тесноте вы никогда не будете естественным», - повторяла Мария Сергеевна.

На этом двустишии все вдруг сошлось. Я отказывался от публикации своего перевода. Мария Сергеевна выражала готовность устраниваться по болезни или перегруженности, предоставив мне вступить в прямые отношения с издательством. Ее властная натура была до крайности раздражена моим упрямством. И вдруг меня осенило:

*Но и над ним сильна
Власть женщин, власть вина!*

Я выкрикнул эти строки, не успев проговорить их про себя. Мария Сергеевна, словно не она только что говорила, что из моих затей ничего не выйдет, услышав этот вариант, тотчас произнесла: «Да, вы правы!», и спор передвинулся на следующую позицию.

Она была старше меня на семнадцать лет, я почитал ее как очень немногих, но спорил с ней на равных, и это было возможно потому, что из поля ее зрения никогда не уходил предмет спора, и справедливость вашего довода, даже если он был направлен против нее, осознавала быстрее вас и тотчас признавала.

Споры о Туманяне не кончились согласованием текста. Сложив всю книгу вместе, уже в верстке, которую я не видел, она сама изменила несколько мест, и, обнаружив эти перемены в печати, я, конечно, бросился

⁶ См. в этой связи «Так назначено судьбой», с.121-137, 139-143, 169-173, 178-181.

к ней. Она ответила: «Здесь не только «Крепость Тмук», а разные вещи в одной книге нельзя переводить наперекор друг другу. Будете издавать свой перевод отдельно, восстановите свой текст, а это общая книга».⁷

Не менее придирчиво Петровых редактировала и туманяновские четверостишия. Если в предыдущих русских изданиях Туманяна четверостишия переводили разные переводчики, то для юбилейных изданий (а это не только ереванский трехтомник, но и вышедшая в свет в Москве, в серии «Сокровища лирической поэзии» издательства «Художественная литература» книга «Туманян. Лирика») четверостишия были переведены Наумом Гребневым⁸. И на примере ряда четверостиший можно увидеть, как в книге, изданной под редакцией Петровых, гребневский перевод перерабатывался, как он приближался к оригиналу. Вот лишь один пример такой переработки:

В московской книге:

*Мне эта жизнь порой казалась адом. Я видел все: предательство и зло.
Меня хулили и травили ядом. Бывало – и меня коварство жгло.
Но потому я выжил, что любил, Но я любил, смотрел прощавшим взглядом,
Умел смотреть на мир прощавшим взглядом. Мне часто было и во тьме светло.*

В ереванском трехтомнике:

Очевидное преимущество второго варианта станет нагляднее, если обратиться к подстрочному переводу⁹:

*Сколько боли видел я,
Зло и коварство видел я,
Терпел, прощал и любил -
Плохое хорошим (по-хорошему) видел я.*

Долгожданные переводы Беллы Ахмадулиной, Петровых получила в феврале 1969 г. и 17 февраля она пишет Мкртчяну: «Прислала свои переводы Ахмадулина. Из «взрослых» стихов я приняла все, кроме стих. «Бесконечное время»- в переводе этого стихотворения уже вовсе ничего от Туманяна не осталось, и я заказала новый перевод Найману. <...>С переводом фольклорных стихов Туманяна у Ахмадулиной, как я и думала, не всё оказалось в порядке. Четыре перевода принять я не могла – заказала новые – Гребневу, три из них он уже перевел. Переводов его я еще не видела.

Одно могу сказать: по сравнению с Ахмадулиной Нёма педантичный буквалист. О доделках в некоторых переводах написала Ахмадулиной большое письмо со своими предложениями – с заменой неполучившихся строк. Хорошо было бы, если бы она эти новые замены приняла – всё ж таки они нормальные» (с.140).

⁷ Поэль Карп. Хорошевское шоссе. – «Литературная Россия», 1988, 21 окт., №42.

⁸ За несколько месяцев до выхода в свет двух этих изданий, в конце 1968 г. отредактированные М.Петровых четверостишия в переводе Гребнева отдельной книжкой в мягкой обложке были изданы в Ереване, в издательстве «Айастан» .

⁹ Не располагая подстрочниками, по которым работал Гребнев, приводим свой подстрочный перевод.

В архиве Мкртчяна сохранился второй экземпляр упомянутого «большого письма». На первой странице машинописного текста - пометка от руки: «Письмо М.Петровых Б.Ахмадулиной. Копию мне дала сама М.П. (по моей просьбе)»:

«Уважаемая Белла Ахатовна!

Не могла написать Вам раньше, потому что болела.

Мне очень понравилось, как Вы перевели стихи «Изгнанник я, сестрица» и «Не проси меня петь» (только замените, пожалуйста, слова: «О помилуй себя!» - так Туманян не писал и не написал бы, - надо проще).

Нравится мне в Вашем переводе стихотворение «Никто в ночи не ведает» (не понимаю только - почему Вы труд природы называете «кромешным»? Не знаю, как у Туманяна, подстрочника у меня нет, но наверняка у Туманяна проще и понятнее).

Вообще-то говоря, в подстрочниках было немало стилистических неточностей, которые, возможно, повредили Вам в восприятии Туманяна. По некоторым переводам я вижу, что Вы воспринимаете его как поэта слишком приподнятого и усложненного, а на самом деле характер его поэтической речи ясен и прост, даже когда это стихи патетические.

Нравится мне «Сестра моя, иди своей дорогой», но я не понимаю 2-х строк в третьей строфе:

«Нет рук таких, открытых для объятия,

Чтоб я из них не вырвал два крыла».

Если Вы помните - что́ здесь сказано у Туманяна, передайте, пожалуйста, яснее (подстрочника у меня нет).

Прекрасным стихотворением получилось «Видение», хотя написано оно у Вас 10-сложной строкой, 5-стопным ямбом, а у Туманяна 5-сложная коротенькая строка.

Но стихотворение получилось настолько хорошим, что, я думаю, можно поступиться этой неточностью.

Удался Вам «Наш обет», только надо изменить в последней строке слова: «свершается свет» - для Туманяна это слишком «модерн».

Хорошо получился «Последний взгляд Сириуса», но я не понимаю: почему глаза, которые еще не глядели на Сириус, - «залог его грядущей ночи»?

Подстрочника у меня нет, я не знаю – как написано у Туманяна, но Вы-то, вероятно, помните. Прошу Вас – передайте яснее смысл.

Слишком усложнена последняя строка: «Поведай ей вопрос тоски моей». Не сомневаюсь, что у Туманяна сказано проще и этого же хочу от Вас. Надо заменить не-туманяновское слово «нежил», у него, вероятно, благословлял или что-то близкое к этому. Есть у меня замечания по переводам стихов «С высоты» и «Посвящение Брюсову», но т.к. мне самой эти стихи не совсем понятны, оставим доработку их до приезда Л.М.Мкртчяна, который вот-вот прибудет¹⁰.

¹⁰ Как видно, приезд Мкртчяна не способствовал прояснению «темных» мест, по-

В общем, все «взрослые» стихи Вам удались, за исключением одного – «Бесконечное время» - в переводе оно усложнено до непонятности.

Стихи Туманяна, идущие от народной сказки или песенки или прибаутки, - простодушны, незамысловаты, лаконичны и совершенно чужды какой бы то ни было трагичности.

Видимо, не все эти стихи были Вам близки, и не все переводы я могла принять: в некоторых случаях Вы не только меняли тональность стихотворения, но даже перемещали смысловый акцент, как получилось со стихотворением «Горе соловья». Вместо разговора бывалой залетной птахи с молоденьким соловьём, впервые встречающим приближение зимы, получилось стихотворение о «всем чужой», трагически одинокой птице. Это, м.б., и хорошее стихотворение, но к Туманяну отношения не имеет.

Слишком далеко и не в туманяновской тональности переведён «Ветер»: у Туманяна нет ни тихого дома, ни развязного ветра, ни звезды и метели, тем более, затевающих разную разность.

Не получился «Маленький земледелец»: в оригинале 9 строк, а в переводе 16.

Эти переводы я принять не могла.

Поговорим о тех переводах, которые получились хорошо, и лишь отдельные строчки нуждаются в уточнении.

Очень хорошо переведено стихотворение «Воробьи» (хоть Вы и удлиннили его на 6 строк, что, строго говоря, не полагается). Очень верно передан тон стихотворения. Я бы только просила Вас легче, беззаботнее передать последнюю строку. У Туманяна: «Вспорхнули, взлетели, чтобы погулять».

С обаянием перевели Вы «Лису». Но вот о повторе. Вы пишете: «с хвостом красней цветка». Нельзя сказать «красней цветка». Есть ведь и лилии, и белые розы, и сирень, и множество цветов самой разнообразной окраски. Можно сказать, к примеру говоря, - краснее мака, но тогда надо изменить сквозную рифму. Я предлагаю Вам написать «пышной цветка», ибо все цветы в расцвете своем обретают большую или меньшую пышность. Не очень уместно словечко «ужо», но ничего не поделаешь, оставим так. А вот строку «Ты не пугай меня суровостью лица» - надо изменить, очень уж не в стиле народной сказки. По этой же причине надо заменить строки:

«На медленном огне гореть тебе века», «Вознесся к небесам твой горделивый дух» - ведь ничего этого нет у Туманяна и в помине. И строчку «Ой, красотой твоей насытила бока» надо заменить – она неестественна.

Зная по себе, как трудно переделывать свои переводы, предлагаю Вам некоторые замены строк, не с тем, разумеется, чтобы Вы обязательно их приняли, но с тем, чтобы они помогли Вам оттолкнуться от привычного текста.

(Ещё вот что: не надо оставлять в «Лисе» междометие «аман» - оно требует примечания, уточнения, а это никогда не украшает стихи.)

скольку в книгу стихотворение «С высоты» вошло в переводе самой М.Петровых.

Очень славно Вы перевели «Зелёного братца», только не следовало переносить из подстрочника в перевод странное выражение «знакомый братец» - уж если братец, то, надо думать, знакомый. Вполне можно написать «весёлый братец». Если при этом пропадёт незавидное созвучие «зелёный - знакомый», жалеть об этом не стоит, важно убрать бессмыслицу.

Мне нравятся и «Жаворонки», кроме выражения «клев по зернам» и кроме лингвистического вопроса о возникновении их языка, - в конце. У Туманяна: «Перекликаются: килтык, килтык...».

Так как Вы в этом переводе допускаете сильную перетяжку ударения – «зёрнышки», а я против этой перетяжки не возражаю, м.б., во второй строке написать – «Клювиками тук-тук-тук», - тоже будет перетяжка, но даже менее заметная. Над последними двумя строчками подумайте, я предлагаю Вам замену не обязательную, а для размышления.

Очень прошу Вас займитесь пересмотром переводов безотлагательно! Вы их сильно задержали, а тут ещё моя болезнь – так некстати.

Со дня на день жду Мкртчяна, который приедет за готовой книгой. Всего Вам самого доброго».

Ахмадулина приняла почти все замечания и предложения Петровых, с учетом этих замечаний она и сама пересмотрела что-то в своих переводах, принадлежащих сегодня к лучшим страницам «русского» Туманяна. Вот некоторые из поправок, внесенных Ахмадулиной по замечаниям и предложениям, сделанным в письме¹¹:

1. «...почему Вы труд природы называете «кромешным»?»

Никто в ночи не ведает – каков

Тот труд незримый, что творит природа.

2. «... надо изменить в последней строке слова: «свершается свет» ...»

Мы дали обет и верны мы обету,

Взыскя лишь света и веря в свет.

3. «...почему глаза, которые еще не глядели на Сириус, - «залог его грядущей ночи»? <...>Прошу Вас – передайте яснее смысл».

Другим смотреть еще не пробил час:

Их взор еще во тьме нездеиной ночи.

4. «Вы пишете: «с хвостом красней цветка». <...> Я предлагаю Вам написать «пышной цветка», ибо все цветы в расцвете своем обретают большую или меньшую пышность...».

Ах, дерзкая лиса с хвостом пышной цветка!

Постылая лиса с хвостом пышной цветка!

Внесла Ахмадулина изменения и по другим замечаниям к тому же стихотворению:

¹¹ Измененные слова или строки выделены жирным курсивом.

*Но бабушке лиса пролаяла в ответ:
- Без толку не кричи – даю тебе совет,
Слаба твоя рука и палка коротка!..»
Бесстрашная лиса с хвостом пышной цветка.*

*Вдруг бабушка моя воскликнула: - Беда!
Исчез мой петушок! Пропал невесть куда!
На горе мне сюда пришла издалека
Бесстыжая лиса с хвостом пышной цветка»*

*Ой, милый мой петух! Оранжевый петух!
Как пел ты поутру! Как радовал мой слух!
Погиб, красавец мой! Печаль моя горька...
Жестокая лиса с хвостом пышной цветка!*

Примечательно, что под воздействием общей направленности редакторских советов Петровых Ахмадулина существенно переработала свой перевод стихотворения «Сестра моя...»

Сравним строфы перевода в московском издании с теми же фрагментами в ереванском (под редакцией Петровых) и для наглядности приведем наш подстрочник:

В московской книге:
*Обласканная бедами земными,
До крайности скитания дошла,
Но алчет мук, и следует за ними,
И ненасытно мучится душа.*

В ереванском трехтомнике:
*Отвергнув путь, спокон веков известный,
Тоской неодолимою дыша,
Взмывая в небо, опускаясь в бездны –
Скитается, безумствуя, душа.*

*Нет рук таких, открытых для объятий, Нет рук таких и нет таких объятий,
Чтоб я из них не вырвал два крыла. Чтоб удержать ее, остановив, –
Моей душе не ведом путь обратный! Она не примет кроткой благодати,
Она безумна, но она права. Умчась туда, куда влечет порыв.*

Подстрочный перевод:

*Сойдя со всех дорог жизни,
С необъяснимыми томлениями (тоской),
Жадно, бесконечно и беспокойно
Скитается моя душа,*

*Нет (такой) руки, нет (такого) объятия,
(Которые) удержали бы ее в себе:
Бурная, безумная, она (все) идет и (идет),
И стремление ее бесконечно.*

Несмотря на задержки, с какими переводчики представляли редактору свои переводы, при всей медлительности Петровых, вызванной ее

взыскательностью, отредактированный ею стихотворный том Туманяна был сдан в срок¹². И к юбилею поэта трехтомник увидел свет.

Юбилей Туманяна отмечался с размахом. Принимавшая участие в юбилейных торжествах Белла Ахмадулина свое обращение к Туманяну объяснила в одном из интервью: «Туманян меня пленил своей поэтической высотой и той естественностью, которая свойственна только истинным поэтам, поэтам по самому складу души. Родимость к Туманяну почувствовала я большую и одним из первых стихотворений, которое сразу же открыло и прояснило всего Туманяна, было «Прощание Сириуса».

Поначалу я боялась переводить Туманяна. Эта робость легко объяснима: гениальный поэт, каждая строка которого окружена редким почитанием и редкой любовью армян.

Переводя Ованеса Туманяна, я убедилась в необычайной обширности его дарования. Особая память, помимо «Прощания Сириуса», у меня о переводе стихотворения «Изгнанник я, сестрица». Радость от этой работы жива во мне до сих пор. Туманян – поэт прекрасный, высокий и тонкий, печальный и светлый. К такому поэту никогда не перестанут обращаться переводчики, приближая его ко всем временам и в то же время оставляя его таким, как он есть»¹³.

Туманяновский том был не единственной книгой из армянской поэзии, изданной под редакцией Марии Петровых. В 1972 году в Ленинграде, в Большой серии «Библиотеки поэта» увидел свет составленный Левонем Мкртчяном сборник «Армянская средневековая лирика». Это была первая после брюсовской антология старой армянской поэзии. Многие из вошедшего в нее до тех пор не переводилось. Петровых, редактировавшая сборник, как и в случае с Туманяном, к своей работе подошла с предельной требовательностью и ответственностью.

В начале ноября 1971 г., в процессе работы над антологией Мария Сергеевна пишет Мкртчяну: «...Читаю Ованеса Тлкуранци. В воскресенье был у меня Гребнев, мы поработали, т.е. он мне из пятое на десятое показал то, что сделал по моим замечаниям. Я же дала ему пачку уже прочитанного мною, т.е. последние главы Нарекаци, Саркавага, Шнорали, Плуза, К.Ерзнкаци, Фрика. Кечаречи прочитала вчера. Прочитала я перевод Бетаки, разумеется, с подстрочником – он оказался у меня. Разве можно читать без подстрочника, Левон?! <...> Переводы Кушнера я смотрела мельком и не осталась в восторге. Откуда взялся Кушнер и зачем? Нёму прошу привезти мне подстрочники Кучака – хочу понять – в чём дело. Почему Наири¹⁴ приходил в ярость от гребневского Кучака, насколько его – и не только его – гнев был справедливым.

¹² Вспомним, что рукопись «Дальнего дерева» она представила в издательство едва ли не через год после оговоренного срока.

¹³ Газ. «Коммунист» (Ереван), 1969, 24 сентября. Заметка была опубликована и в сборнике «Туманян-100. Юбилейная летопись». Ер., 1974, с.318.

¹⁴ **Наири Зарьян**. Айрены Кучака в переводе Гребнева, изданные в Ереване в 1968 году, литературными кругами Армении были приняты неоднозначно. И поэт Наири Зарьян был в числе тех, кто обрушился на них с критикой.

Мне гребневский Кучак в основном очень нравится, но я с подлинником не сличала. Хочу понять, в чём дело. Наири и Торосян ни одного стих. Кучака в гребневском переводе не узнавали. Вина это их или Нёмы – мне надо понять» (с.178). В следующем письме (без даты, но судя по содержанию, написанном вскоре после предыдущего) она сообщает: «...Нёма перевёл три страницы Сюнеци, на большее его не хватило: перевёл, по-моему, хорошо.

В некоторых переводах (гл.обр. в Нарекаци) правка была так велика, что пришлось перепечатывать заново (это перепечатывала какая-то машинистка Нёмина). Не знаю, как будут сличать эти перепечатанные тексты с прежними – дело довольно трудное, это не то, что переносить правку из одного экземпляра в другой.

Удалось ли мне добиться от Нёмы всего, чего я хотела? Нет, конечно. Но удалось почти во всём. Работать с Нёмой и легко и трудно: легко – потому что человек он милый и талантливый, трудно – потому что упрямый, и слишком уж разные у нас принципы перевода, хотя в чём-то существенном, в чувстве интонации мы близки.<...>

Ленинградские переводчики на высоте. Даже Бетаки. Кушнер выправил айрены очень хорошо. Бетаки оказался ленивее, но всё, что было крайне необходимо, исправил.

Кушнер и по умению работать, и по тону своих писем очень мне понравился. Он очень чуток, работать с ним легко» (с.180).

Пожалуй, больше, чем чьим-либо, Петровых уделяла внимание переводам Гребнева. Рассказывая в своих дневниковых записях 1967 года о приезде Гребнева в Ереван, Мкртчян пишет: «...Высоко говорил о Петровых: «Она себя растрчивает. Ей дали на рецензию мои переводы. Она указала все неудавшиеся места, предложила свои варианты. Сидела десять дней над этим, а надо было работать часа два». А в письме от 5 октября 1968 г. Гребнев пишет: «Г.Регистан сегодня, редактируя книгу К.Кулиева, потратил на это три часа (мы сидели вместе, и до этого он ее не читал). Бедная Мария Сергеевна тратит на такую же работу несколько месяцев» (с.51).

С непоколебимостью и дотошностью Петровых-редактора Гребневу в полной мере пришлось столкнуться в процессе его работы над переводом «Книги скорби» Григора Нарекаци. В августе 1976 года он пишет Мкртчяну:

«Дорогой Левон! Посылаю тебе то, что сделал. Кое-что, видимо, нуждается в правке. Зная, что это будет читать Мария Сергеевна, я лишний раз не заглядывал ни в словарь, ни в энциклопедию. Она все знает и так, и мы вместе уточним кое-что¹⁵... В подстрочнике 41 и 42 главы были перепутаны. То есть, то, что, по-моему, должно было быть помечено «42», было помечено «41» и наоборот. Правильно ли я поступил, что исправил это? Сверь с оригиналом.

¹⁵ Фрагмент этого письма привел и Мкртчян. И прокомментировал: «...Конечно же, это «кое-что» во многом улучшало переводы, редактором которых была Мария Сергеевна» (с.95).

Очень прошу тебя, напиши Марии Сергеевне, чтобы она дотошно не сличала каждую строку перевода с оригиналом. Это нечто такое, что перевод только ухудшит. Объясни, что, если я что-либо не так понял, ты укажешь на это, и мы все исправим. Как я тебе говорил, в некоторых местах получилось больше строк, чем в оригинале. Но, во-первых, строки оригинала значительно длиннее строк перевода (иногда я удивлялся, как может уместиться в одной строке то, что в одной строке подстрочника, м.б. это не так уж точно разбито на строчки?), а во-вторых, то, что читателям оригинала (в то время) было ясно с полуслова, читателю сегодняшнего перевода неясно, и приходится делать распространения.

Получилось, кажется, немного менее 5000 строк со старыми переводами. У меня еще есть непереуевенные четыре главы. Но я думаю, что пока достаточно. <...>. Передай привет всем, целую тебя. Н.Гребнев».

Почти одновременно с этим письмом Гребнева Мкртчян получил письмо и от Петровых: перевод Гребнева настолько не устраивал ее, что она даже пыталась отказаться от редактирования. «...Прежде всего, - пишет Петровых, - о самом главном: не буду я редактировать Нарекаци. Гребнев уже всё перевёл и вчера привёз мне.

Он приезжал и до этого. Из привезённого им раньше я отредактировала маленькую 27 главу. Получилось так, что первую страницу я переписала заново и внесла немало изменений в дальнейший текст. Это, я вчера поняла, Нёму оскорбило. Он хочет, чтобы я читала перевод, не сличая с подстрочником (кстати, неважным; прежние подстрочники были много лучше, там были комментарии, а здесь только ссылки на Священное Писание). По-моему, перевод должен быть переводом, и читать его, не сличая даже хотя бы с этим несовершенным подстрочником (но всё же - подстрочником) я не могу. По-моему (судя по одной 27 главе), Нёма неправомерно отходит от автора. <...>

Очень жаль, что разговоры о том, что переводчик прислушается к звучанию строки подлинника и постарается найти звучание наиболее близкое, так и остались разговорами. Мне совершенно чужд такой подход к переводу. Прежде Нёма, мне кажется, переводил все-таки ближе и был всё-таки сговорчивее.

Итак, Левон, будем считать разговор о моей редакции конченным, и моего имени быть на Нёминых переводах не должно, я за них не отвечаю» (с.190).

Мкртчян, конечно же, не хотел терять такого редактора. О том, как ему удалось уговорить Петровых, можно делать разные предположения, но на титульном листе роскошно изданной в 1977 году «Книги скорби»¹⁶ значится имя Марии Петровых как редактора. В архиве же сохранилась копия его письма от 9 сентября 1976 года:

¹⁶ **Григор Нарекаци.** Книга скорби. Оригинал, перевод Н. Гребнева, подстрочные переводы Л. Мкртчяна и М. Дарбинян. Составление, вступительная статья («Мятежный гений»), примечания Л. Мкртчяна. Ер., 1977.

«Дорогая Мария Сергеевна!

Я все собирался приехать к вам в Голицыно, но не удалось. В Переделкине я жил одиноко, вдали от мира и любви. О Тарковских (о том, что они в Голицыне) мне говорили Славины. Но Вы знаете, что я к Арсению более чем расположен, к поэту Арсению Тарковскому. А выяснять отношения мне не хотелось. Да и ничего серьезного не было. Одни сплетни и мелкие обиды. Очень старалась тогда мадам Тарковская. Но и на нее я не в обиде. Бог с ней...

Перевод Гребнева нуждается в редакции. Я Вас очень прошу быть редактором русского Нарекаци. И с подстрочником надо сравнивать работу Гребнева. Конечно же, надо. Достаточно, однако, чтобы Вы подчеркнули вольности – пусть Нёма сам правит, сам доводит свой перевод до надлежащего уровня. А то Вы сами за Гребнева работаете. Не надо этого делать. Не надо еще и потому, что Гребнев и так много работает. Зачем же еще ему помогать, зачем работать за него? Вы только обратите его высокое внимание на вольности, на плохие строчки. Пусть он сам все и подчистит. Он ведь может. Я звонил Науму и просил, чтобы он с Вами работал как с редактором (о характере Вашего письма я ему ничего не говорил). Ваша редакция необходима. И вообще Вы необходимы – всем нам. И мы Вас любим и дорожим Вами.

Вы не написали, как Вам жилось в Голицыне, как жилось-работалось! Что у Вас нового, кроме Нёминого Нарекаци? Бог даст, приеду в Москву, посидим у Вас, поговорим...

Приветы Арише с дочуркой».

Однако как бы тяжело ни было переводчикам, изнурительную работу Петровых они ценили высоко и даже самые именитые из них считались с ее замечаниями (вспомним Беллу Ахмадулину, ее переводы Туманяна). И тот же Гребнев в связи с редакцией «Книги скорби» писал Мкртчяну:

«... Посылаю остаток рукописи. Им надо заменить предшествующий вариант этих глав обязательно. Даже если для этого эти главы надо будет перебирать. Впрочем, думаю, что пока еще до набора дело не дошло. Мария Сергеевна очень выложила на этой редакции. Я думаю, что оплата 10 копеек за строку несправедлива по отношению к ее труду. Я готов, чтобы еще столько же было вычтено для нее из моего гонорара. Или же я отдам ей сам эти деньги, когда их получу. В рукописи есть несколько мест, которые надо уточнить. Они помечены на втором экземпляре. Сообщай мне обо всем, что касается нашей книги. Я с нетерпением жду ее выхода. Понимаю, что это самая лучшая и значительная работа моей жизни. Как заказать 100 экземпляров книги? Гребнев»¹⁷.

В том же 1977 году в Ереване вышла еще одна антология, красочно оформленный двухтомник «Армянская классическая лирика»¹⁸. В основу ее

¹⁷ Письмо не датировано, судя по просьбе Гребнева заменить главы обязательно, если даже они уже набраны, написано это письмо в первые месяцы 1977 года, поскольку книга была сдана в набор 28 декабря 1976 г., а подписана в печать 29 июля 1977 г. .

¹⁸ Здесь впервые был опубликован перевод М.Петровых «Стихотворения полезного и

был положен ленинградский сборник 1972 года. Как и «Книга скорби», увидевшая свет почти одновременно с двухтомником, это издание, несмотря на тираж (по нынешним временам – астрономический: 10 000 экземпляров!) мгновенно ставшее библиографической редкостью, было отредактировано Марией Петровых. Во все последующие сборники армянской поэзии Левон Мкртчян неизменно включал переводы, отредактированные Марией Петровых...

Ключевые слова: *архив, армянская поэзия, русский перевод, издание, редактирование*

ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից. Մ. Ս. Պետրովիխը հայ պոեզիայի ռուսերեն հրատարակությունների խմբագիր – Ռուս անվանի բանաստեղծուհի Մարիա Պետրովիխը ոչ միայն հայ բանաստեղծների ստեղծագործությունների տաղանդավոր թարգմանիչ էր, այլև դրանց ռուսերեն թարգմանությունների մի շարք հրատարակությունների խմբագիր: Նրա խմբագրությամբ լույս են տեսել Հ. Թումանյանի եռահատոր հրատարակության հատորը (1969), «Հայ միջնադարյան բանաստեղծություն» ժողովածուն (1971), «Հայ պոեզիայի անթոլոգիա» երկհատորյակը (1973), Նարեկացու «Մատենանոցի բարեբան» պոեմը՝ Ն. Գրեբնևի թարգմանությամբ (1977): Հրատարակվող արխիվային նյութերը, հատկապես նամակները վկայում են Մ. Պետրովիխի՝ մեծ նվիրումով կատարած խմբագրական մանրագնի աշխատանքի մասին:

Բանալի բառեր - *արխիվ, հայ պոեզիա, ռուսերեն թարգմանություն, հրատարակություն, խմբագրում*

KARINE SAHAKYANC – From the Archives of Levon Mkrтчyan. M.S.Petrovikh as the Editor of Russian Editions of Armenian Poetry. – The eminent Russian poetess Maria Petrovikh was not only a talented translator of many Armenian poets, but also editor of several editions of their works translated into Russian. The poetic volume of H.Tumanian (1969), the collection “Armenian Medieval Poetry” (1971), “The Anthology of Armenian Poetry” (in two volumes, 1973), Grigor Narekatsi’s “The Book of Sadness” (translated by N.Grebnev, 1977) were published under her edition. The archive materials, especially letters witness the devoted detailed work of M.Petrovikh as an editor.

Key words – *archive, Armenian poetry, Russian translation, publication, editing*

чудесного» поэта XII века Григора Тха. См.: «Из архива Левона Мкртчяна. Письма к М.С.Петровых (1965-1975)». Вестник ЕГУ, указ.серия, №1, с. 26.